

*Николай
Мурецкий*

СТАЖЕР АДВОКАТА

Документальная повесть

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

На третьем этаже университета царила радостно-приподнятая атмосфера, студенты толпились у дверей аудитории, где заседала Государственная комиссия по распределению выпускников. Закончились пять лет обучения на юридическом факультете, и теперь настало время применять полученные знания на практике.

Студенты, как водится, побаивались комиссии и надеялись на удачное распределение. Бинго – работа в Алма-Ате. Распределение в родной район – тоже повод для радости. И, конечно, никому не хотелось ехать в отдаленную, как говорится, богом забытую глубинку. Право выбора самых престижных профессий предоставлялось в первую очередь отличникам, обладателям красных дипломов.

Пять лет студенческой жизни пролетели незаметно. Лекции, семинары, зачеты, экзамены и летние студенческие строительные отряды сблизили молодежь, а некоторых даже сроднили: среди однокурсников факультета образовались пять семейных пар.

Набор на юридический факультет в 1980 году был 325 человек, до финиша, то есть до распределения, дошли 299. Среди них были яркие личности, некоторые стали гордостью курса еще в студенческие годы, а затем сделали головокружительную карьеру. Были и отличники, которые получили красный диплом, но не поднялись выше должности помощника юриста небольшой компании.

В зале заседания комиссии была напряженная рабочая обстановка, а за его дверями зашкаливали эмоции – возгласы радости, стоны разочарования и даже слезы.

Вместе со всеми с волнением ждал распределения и Ерлик Кененбаев. Пока секретарь комиссии зачитывал его анкетные данные, Ерлик вспоминал свой аул, в котором родился, вырос и пошел в сельскую школу, службу в армии, самые трудные и радостные дни студенческой жизни... Во время учебы он, как и многие однокурсники, жил в студенческом общежитии. Эта общага № 9 помнит своих обитателей: какими они заселялись на первом курсе и какими стали через пять лет. Помнит она и много разных историй, которые слышали ее стены в часы дружеских откровений – про свою малую родину, про родителей, про первую любовь и не только...

История первая

Отец Ерлика, Абдракым, работал чабаном в поселке Баскунчи Талды-Курганской области, расположенном на самой границе с Китаем. Готовясь к суровой зиме, чабаны выгоняли баранов на оставшиеся зеленые лужайки. Однажды сосед-аксакал дал Абдракыму совет:

– Больше паси овец на сухой траве с солончаком. Так делали наши деды.

Абдракым так и сделал. В начавшуюся суровую зиму именно у него больше всего выжило овец, и вскоре его назначили бригадиром. Ерлик с детских лет усвоил отцовские уроки трудолюбия.

Мать Ерлика, Марьям, была заведующей библиотекой, где он часто подолгу засиживался. С особой бережностью давала она сыну редкие фолианты. От матери Ерлик узнал истинную цену книгам.

Семья Ерлика, как и большинство казахских семей, проживающих в отдаленных аулах, была многодетной – пятеро детей. Родители и не мечтали, что их сын сможет поступить в ведущий вуз страны, не говоря уже о блистательной карьере в правоохранительных органах. Да и сам Ерлик разве мог представить, что будет работать заместителем генерального прокурора страны в звании генерал-майора! А генеральское звание всегда ценилось значительно больше, чем должность. Должность временно – генеральские погоны навсегда.

...Жили в небольшом доме у реки с коротким названием Или. На противоположном берегу был Китай. Государственная граница СССР – Китай проходила по середине реки. И нередко дети с противоположных берегов радостно кричали и махали друг другу руками. И Ерлик, и другие дети понимали, о чем кричат китайские дети, потому что те говорили на казахском языке. Вечером, рассказывая родителям о том, как они общались с китайскими детьми, Ерлик задавался вопросом, почему китайские дети знают казахский язык. «Наверное, они прилежно изучают его в школе», – думал Ерлик.

Родители по поводу знания казахского языка китайцами, как правило, отмалчивались. И только учась в седьмом классе, Ерлик узнал правду о том, почему китайские дети хорошо говорят на казахском языке. Эту трагическую историю ему рассказал учитель истории Тимур Виноградович. Рассказал не на уроке всему классу, а только ему, Ерлику, когда, будучи дежурным, он задержался после уроков, чтобы подготовить кабинет к занятиям на следующий день.

Учитель начал свой рассказ так:

– Ты должен знать историю своего народа...

Они сидели вдвоем в пустом классе, а может быть, и целой школе, так как уже вечерело. Тимур Виноградович еще раз повторил свои слова:

– Ты должен знать историю своего народа... Помнить о том, что я тебе расскажу, а когда вырастешь, рассказать своим детям.

Тимур Виноградович был еще молод, ему было немногим больше тридцати, но волосы его были седые, как у аксакалов, и по этой причине он вызывал особое уважительное отношение и у школьников, и у коллег.

Он присел рядом с Ерликом и начал свое повествование со времен кочевья и войны с джунгарами.

– В исторической памяти казахов сохранилось множество легенд о поражениях и победах над джунгарами. Герои войн становились персонажами сказаний

и песен. Но все они запечатлели конкретные исторические события, о которых ты должен знать...

Свой пространный рассказ учитель закончил словами:

– На современной политической карте Центральной Азии Джунгарии нет, а Казахстан по площади занимает девятое место в мире.

Короткую паузу прервал вопрос ученика:

– Тимур Виноградович, а почему китайские дети хорошо знают казахский язык, а мы не знаем китайского?

Учитель помолчал, подумал: «Стоит ли рассказывать еще одну историю кочевого народа?» Еще помолчал, вспоминая давно прочитанную в запрещенном историческом журнале статью о царском времени.

– Это очень долгий рассказ. – Сделал паузу и продолжил: – В Китае есть Или-Казахский автономный округ, который раньше был казахской территорией. Там остались жить казахи. Казахский язык для них родной, но говорить приходилось на китайском.

Учитель хотел было рассказать про государство Илийский султанат, про его оккупацию русскими войсками, про Ливадийский договор и многое другое. Но вдруг резко встал и начал собираться домой, показывая ученику, что разговор окончен.

В детской памяти навсегда осталось, что джунгары – враги казахов. И нередко играя с друзьями в «войнушку», размахивая деревянной саблей, он не раз одерживал победу над «джунгарами», называя себя при этом Богенбаем или Абулхаиром.

История вторая

Еще Ерлик помнил рассказ о том, когда и почему дед Ермек назвал своего сына Виноградом. Помнил и гордился. Гордился человеком, который сдержал свое слово, данное без свидетелей, наедине с собой. Обещание, данное Всевышнему за его заботу и доброту. В страшный момент между жизнью и смертью.

Все в ауле слышали эту историю и не один раз. С годами события тех лет обрастали различными подробностями, дополнялись новыми красочными деталями, зачастую вымышленными... И в итоге вот в таком виде она дошла до нас.

Осенью 1944 года советские воска наступали по территории Молдавии. В одном из боев Ермека, которому был 21 год, ранили, он потерял сознание и остался на поле боя. А рота пехоты, где он служил, ушла в наступление.

Очнулся он ночью. Пуля прошла навылет, не задев ни кости, ни внутренних органов. Как говорят на фронте – повезло. Он попытался встать и идти за ротой, но не смог, упал от большой кровопотери. За все три года войны никогда ему не было так больно, но не от раны, а от того, что рота ушла бить фашистов, а он остался здесь один. Никому не нужен, никто его не ищет, здесь он и умрет, истекая кровью в одиночестве. Он заплакал и опять потерял сознание. В бреду ему снился родной аул, дом и последние наставления родителей перед отправкой на фронт: «Не опозорь наш род, в бою нужна смелость. Только сильные духом побеждают».

Утром, как мог, перевязал рану. Вытряхнул свой вещмешок. Банка тушенки, небольшой нож, алюминиевая кружка и ложка. Начал искать глазами, где можно

напиться и примоститься перекусить. И тут только заметил, что лежит под кустом винограда на большом виноградном поле. В Молдавии много таких виноградников, ведь она славилась своим виноградным вином.

Ермек ел виноград утром, в обед и вечером. Виноград был его едой и его питьем. И спал он здесь же, под кустом винограда. Виноград – это глюкоза, благодаря которой рана быстро затянулась без каких-либо лекарств. Ермек почувствовал, что ему становится лучше. Вот оно – чудо, если бы здесь не было винограда, он бы умер.

Он подумал, что его спас Всевышний, ниспославший ему эти чудесные ягоды. Ночью, лежа на чужой земле, в одиночестве, далеко от своих родных мест, смотрел он в бездонное звездное небо и благодарил Аллаха за эту помощь. «Как мне отблагодарить Всевышнего за то, что остался жив после ранения? Выжил без еды и лекарств, благодаря винограду».

Слыша выстрелы пушек, он вспоминал своих друзей по роте и молился за них. Но как только наступала тишина, опять мысли возвращались к тому, как отблагодарить Всевышнего за собственное спасение. «Меня спас виноград. После возвращения с войны посажу в своем саду молдавский виноградник... Но в Казахстане многие выращивают виноград... Нет, этого мало. Надо придумать, что-то особенное», – вслух размышлял он с самим собой. И Ермек решил, что после Победы вернется домой, женится на красавице Айсулу, а когда родится сын, назовет его Виноградом. Встал на колени, помолился и дал клятву Всевышнему. Только слеза, стекающая по щеке, была свидетелем этой клятвы.

Через несколько дней рана затянулась, и он с трудом, но мог уже идти. Из сухой ветки сделал костыль, набрал полный рюкзак винограда и пошел догонять свою пехотную роту.

Старшина роты уже оформил документы о «без вести пропавшем» рядовом бойце родом из Казахстана. Сообщение пошло по инстанциям.

Но Ермек со своей ротой дошел до Берлина и с Победой вернулся на Родину, в свой родной аул Баскунчи. Красавица Айсулу дождалась его с войны и родила ему сына.

Старейшины рода по обычаю должны были дать имя новорожденному. Но Ермек, несмотря на возмущение всех родственников, нарек первенца Виноградом.

Только в сельсовете секретарь Дарья Петровна, дальняя родственница председателя колхоза Головацкого, дважды Героя Социалистического Труда, при выдаче свидетельства о рождении спросила у Ермека:

– Контузии на фронте были?

Не замечая иронии, Ермек ответил, что контузий не было, только ранения, и с радостной улыбкой пошел домой. Поглядывая на небо, он что-то бормотал. Глядя вслед счастливому отцу, Дарья Петровна покрутила пальцем у виска.

Спустя много лет по просьбе Ермек-ата его внук, Тимур Виноградович, стал преподавателем истории. Вел уроки по истории во всех классах сельской школы. Самым внимательным и одновременно строгим слушателем был сам дед Ермек. Любил поправлять внука, когда тот ошибался в каких-то деталях исторических побед над джунгарами или фашистами. В первой участвовал прадед Ермека, во второй – сам Ермек-ата, чем он очень гордился. И в подтверждение побед по большим праздникам надевал старую армейскую форму с медалями и орденами.

...Наконец секретарь комиссии закончил формальную часть. К действительности Ерлика Кененбаева вернул вопрос председателя комиссии:

– Вы в какой сфере хотели работать?

Но ответа не прозвучало.

Во-первых, Ерлик еще находился в своих воспоминаниях, а во-вторых, когда до его сознания дошел вопрос председателя, то он спросил у себя то же самое: «Да, действительно, где я хочу работать?»

Председатель, не дождавшись ответа, продолжал говорить:

– До вас К-ва Жулдуз отказалась от распределения в адвокатуру Мангышлакской области. Вы согласны поехать туда на три года?

Именно такой срок отработки советское государство определило для выпускников, гарантируя бесплатное обучение. Отработки в том регионе, где это необходимо стране.

Профессия адвоката в среде юристов считалась престижной и высокооплачиваемой. Очень многие, успешно закончив работу в госорганах – экс-прокуроры, экс-следователи и даже судьи стремились попасть работать в коллегии адвокатов. А в последние годы, когда заработная плата часто не соответствовала нагрузке в правоохранительных органах, офицеры, не дослужив до положенного срока «выслуги лет», уходили работать в адвокатуру, создавали собственные фирмы по оказанию юридических услуг или открывали детективные агентства.

При распределении немногие студенты решались отказаться от предложенной работы, тем более в адвокатуру. И Ерлику ничего не оставалось, как только молча кивнуть в знак согласия.

Но подойдя к двери, он остановился. Засомневался, правильно ли он поступил. И уже начал разворачиваться, чтобы попросить изменить решение и направить его работать в другой регион и, конечно, в прокуратуру. Именно туда пошли работать многие его однокурсники.

Но секретарь подтолкнул его к выходу и пригласил следующего выпускника.

В фойе его окружили друзья.

– Куда?! Куда распределили?!!

Ерлик опять промолчал, с досадой махнул рукой и вышел на улицу. В душе он злился на свою нерешительность, но тут же себя успокоил: «Зайду еще раз на комиссию после всех и попрошу перераспределить».

Но скоро желание повторно идти на комиссию исчезло, так как через 20 минут он уже сидел в «деканате». Там сомнения Ерлика относительно результатов распределения улетучились окончательно. «В конце концов, – решил он, – адвокат тоже престижная профессия, особенно за рубежом».

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР В «ДЕКАНАТЕ»

«Деканат» был популярным и любимым местом сбора студентов, когда они получали стипендию или завершали сессию. Это не кабинет декана или его приемная. «Деканатом» студенты-юристы называли пивной бар, который находился в квартале от университета, на Ботаническом бульваре у речки Весновки. «Деканат» был огорожен забором, на котором красовалось слово «МИР» с тремя ошибками.

Первопроходцы это явочное место, как разведчики, называли «библиотекой». Но впоследствии завсегдатаи заведения были вынуждены отказаться от этого названия. На предложение сходить в «библиотеку» живо откликнулись не посвященные в эту тайну студенты-«ботаники» со своим списком книг, пытаясь присоединиться к «заговорщикам». Поэтому в целях исключения подобных инцидентов бар решили переименовать в «деканат». Желających зайти в деканат было не так уж много. Поэтому название оказалось наиболее подходящим для конспирации.

Но сегодня, в день распределения, выпускники уже без утайки по одному, по двое шли в пивной «деканат». У дверей, где заседала Государственная комиссия, становилось все тише и тише, радостных голосов меньше. В «деканате» же, наоборот, – шум усиливался, голоса становились громче, смех веселее.

Когда Ерлик пришел на место явки, за столом уже сидели однокурсники, чьи фамилии начинались с первых букв алфавита. Ерлик увидел среди других выпускников своих друзей Бахыта, Булата и Жакыпа.

Государственная комиссия придерживалась территориального принципа, а именно: из какой области студент поступал в университет, в ту же область распределялся на работу. Бахыта и Жакыпа комиссия распределила в районную прокуратуру, они возвращались в родные места. Булата – в НИИ судебных экспертиз при Министерстве юстиции. Надо сказать, что первое правило, которое он там усвоил, гласило: «Хороший эксперт – тот, кто стремится знать все больше и больше о все меньшем и меньшем».

Конечно, покидать Алма-Ату мало кто хотел. Но в городе остались работать лишь 30 счастливчиков из почти 300 выпускников, еще несколько человек были отправлены в такие районные центры, как Каскелен, Талгар и Капчагай – города-спутники в 30 минутах езды от столицы. Остальные были распределены по всем регионам Казахской ССР. Несколько выпускников остались работать в университете¹.

В будние дни, особенно в дневное время, в «деканате», как правило, мало посетителей, но только не сегодня, в день распределения. Помещение постепенно наполнялось студентами, каждого проходящего приветствовали громкими возгласами:

– Виват!!! Ура!!!

И задавали все тот же вопрос:

– Куда?! Куда распределили?!

Дружно поздравляли друг друга, поднимали кружки с напитком янтарного цвета. Рассказывали истории про то, как они проходили распределение на Госкомиссии. Вспоминали истории из времен студенческой практики.

Серик проходил трехмесячную производственную преддипломную практику в прокуратуре республики. В первый же день практики наставник ему сказал: «Все, что учил в университете, – забудь. Это в работе следователя не пригодится. Ты должен знать Уголовно-процессуальный кодекс и с ним не расставаться никогда, даже ночью». Серик этой фразой уже всем изрядно надоел. Но сегодня его рассказ

¹ Из всех государственных органов системный подход к подбору кадров был хорошо налажен в Комитете безопасности. Задолго до распределения с будущими выпускниками начинали проводить собеседования, и, как правило, 3-4 человека с курса, лучшие из лучших, попадали работать в этот очень серьезный, не афиширующий себя орган.

воспринимали по-другому и даже с интересом. С замиранием сердца слушали, как он впервые сделал опись уголовного дела, которое закончил его наставник. И как он прошивал два тома этого уголовного дела, какой длины нужна шелковая нитка и с какой стороны надо начинать прошивать том. Но не это было главным, а то, что рассказ шел от лица, который держал в руках материалы настоящего уголовного дела, сделал первые шаги в будущей профессии.

Потом спорили, что имел в виду наставник Серика, когда говорил «забудь все что учил в университете». У каждого было свое мнение.

Затем пошли воспоминания из веселой студенческой жизни...

В большом актовом зале на лекции по уголовному процессу по рядам пошла записка. Как только профессор отворачивался к доске, записка переходила в следующий ряд.

Вскоре весь зал давился от смеха.

Наконец профессору надоел шум в зале.

– В чем дело?!

Все замолчали, сосредоточенно глядя в конспекты. Только Серик беспечно улыбался.

– Ваши фамилии и имя?

– Н-в Серик.

– Так что смешного? Что за улыбки на таком серьезном предмете?

Серик молчал, улыбка исчезла.

– Поделитесь с аудиторией? Или экзамен будете мне лично сдавать.

Профессор был очень строг, многие студенты по три раза пересдавали его предмет, и получить оценку выше «хорошо» никто не мог, только старосты групп удаивались пятерки.

Серик замялся. Профессор не шутил. Память на лица и фамилии у него была великолепной.

– Читайте же!!!

В зале стояла гробовая тишина.

Серик начал читать:

– «Объявление! Лечим kleптоманию клаустрофобией. Звонить 02».

Профессор отличался полным отсутствием чувства юмора. Он сказал:

– Почему звонить 02, а не 03, если речь идет о лечении?

Вспомнили и о противостоянии сторонников социализма и капитализма. В советское время преподаватели старались максимально подчеркнуть преимущества социалистического строя и недостатки капитализма. Доцент Сивенок на семинарских занятиях по политэкономии предложил Таиру пропагандировать социализм. А Виктор, чей нос с горбинкой и характерное произношение буквы «р» не оставляли сомнений в его национальности, отстаивал преимущества капитализма.

Противостояние двух систем в лице наших студентов продолжалось всю пару. Несмотря на большие преимущества социализма, огромной страны СССР, у руля которой стоял генеральный секретарь КПСС Л. И. Брежнев, проигрывал Таир. Капитализм, со слов Виктора, выглядел более респектабельно. Не найдя более существенных аргументов в защиту строя, в котором мы жили, Таир сказал своему оппоненту:

– Ну и езжай тогда в свой Израэль!!!

Защитник капитализма ответил:

– Кто ж меня выпустит из этого твоего социализма?..

Кто-то вспомнил, как они проводили в «деканате» чемпионат курса по пиву. Правила чемпионата были предельно просты – нужно, не выходя из-за стола, выпить ведро пива. Условие одно – до победного конца.

В мире известны разные чемпионаты по пиву. Самый жестокий – «Пивная миля». Правила следующие – участник соревнований должен выпить четыре кружки пива, пробегая после каждой один круг по стадиону. Сегодня на сайтах известных пивоваренных компаний можно найти рейтинг лучших результатов «Пивной мили» за всю историю таких забегов. Однако чемпионат курса проходил в условиях, когда не было Интернета и сотовых телефонов. В то время не знали про селфи, и, соответственно, эти события не могли быть выложены в инстаграме. Потому расскажем о них в наших историях.

История третья

Идея чемпионата зародилась в споре. Заканчивалась весенняя сессия на четвертом курсе. И если на первом курсе обмывали только успешную сдачу всех экзаменов и зачетов, то есть всю сессию, то на четвертом курсе – каждый успешно сданный экзамен и даже каждый положительный зачет. На одной из таких посиделок Саша Решке сказал, что сможет выпить ведро пива за один присест. Десять литров, не из ведра, конечно, а кружками.

Кто-то усомнился, а кто-то сказал:

– Я тоже могу ведро пива выпить, лишь бы оплатили!!!

Слово за слово, разгорелся спор, страсти кипели, количество участников росло. Решили, что за все пиво, которое будет выпито по ходу чемпионата, платят проигравшие. По соотношению цена-качество халявное пиво не имеет конкурентов. И было решено провести открытый чемпионат курса по пиву.

Договорились на субботу, сразу после сдачи зачета по военной подготовке.

Заведующий кафедрой полковник Мукомелов расхаживал по кабинету в приподнятом настроении. Все уже знали, в каких случаях подполковник был в хорошем настроении. Для этого должны совпасть, как говорят военные, две составляющие: свободное время у его «фронтowego» друга и наличие НЗ – бутылки водки.

Сдача зачета проходила на повышенной скорости опять же благодаря этим двум составляющим. Мукомелову нужно было свободное время, чтобы совместно с однополчанином «ликвидировать» НЗ, внезапно свалившийся от старосты группы студентов, сдающих зачет, а затем в срок прибыть в распоряжение своей строгой боевой жены.

Желания преподавателя и студентов совпали, и потому чемпионат курса по пиву начался, как и запланировали. Скорость выпивания пива и объем были двумя основными показателями. Самое главное – не просто выпить пиво, а выпить первым и не выходить в туалет. Двое судей – один за столом, другой – у барной стойки, контролировали участников.

Желающих принять участие было пятеро, но фактически спор шел между Малым и Большим потоками курса юридического факультета. Малый поток представлял Хаджимукан – стройный, высокий парень, постоянно ходивший в кожаной

модной куртке или черном кожаном плаще. Большой поток – Саша, невысокий, тучноватый, с уже обозначившимся пивным животиком. Трое участников шли вне конкурса, как любители. Рефери объявил правила: время и объем – ведро, или 20 кружек по пол-литра, итого 10 литров.

Через час трое любителей были дисквалифицированы за то, что отлучались от места соревнований по весьма «уважительным причинам». Двое претендентов на победу – Александр и Хаджимукан, сидя друг напротив друга, соревновались сначала с удовольствием, потом без удовольствия и, наконец, с отвращением. А на последнем этапе – уже с ненавистью.

Два «спортсмена» упорно шли к финишу, держась на равных. Бармен соревнующихся не задерживал, исправно наливал кружку за кружкой. Над его головой висел плакат «Пьянству – бой». Официант с любопытством наблюдал эти состязания-истязания.

– Семнадцать!!! – дружно кричали болельщики.

И официант бежал к барной стойке за следующими двумя кружками...

Наивный наш читатель, достоверности ради замечу, что в «деканате» не было официантов. Любители пива давились в двух очередях: сначала за свободными кружками, а когда счастливцев получал кружку, то становился в другую очередь, за пивом. Этот неприятный элемент советской действительности в нашей памяти стерт большим обилием современных пивоваренных ресторанчиков и разных пивбаров. Чтобы вас, внимательный читатель, не отвлекать на такие мелочи, как и кто именно стоял в очереди за пивом, в нашем рассказе это будут делать официанты.

Саша бормотал под нос, что пиво – это такой напиток, который всегда входит в него и выходит отлично: «Может быть, мне это генетически передалось от предков, которые родом из Баварии...»

Соперник думал о другом: «Зачем я согласился принять участие в этом безумии! Заранее можно было предсказать результат. У соперника больше живот, соответственно, и места больше для пива».

До финиша оставалось всего по три кружки. Но силы были на исходе – организм уже не понимал, что делает голова. Голова уже ничего не соображала, а пиво продолжало поступать и поступать.

Чемпиона ждали лавры победителя и слава. Проигравший должен был оплатить счет в баре за всех: и участников, и болельщиков.

В протоколе соревнований судья уже поставил следующую галочку – 18. Чемпионат подходил к завершению. Голоса были все громче, а улыбки – шире.

В этот момент неожиданно возникла угроза провала чемпионата. В пивбар зашла блондинка на высоченных каблуках, в неприлично короткой юбке, облегающем топике, бретелька которого постоянно сползала. Зал оцепенел, незаконченные фразы повисли в воздухе. Участники соревнований, болельщики и другие посетители одновременно забыли, зачем они здесь, что они здесь делают. Хотелось бы отметить, что в те годы девушка в пивбаре была исключительным явлением, посетителями пивнушек были только представители сильной половины человечества. Это в настоящее время в современных питейных заведениях девушек порой больше, чем мужчин. Для достоверности посетите в Астане пивные рестораны «Пивоваров» или «Брейвери».

В возникшей тишине, поправляя непослушную бретельку, блондинка сказала:

– Молодой человек, не хотите меня угостить? Я как выпью, такая дура становлюсь!

Красотка ни к кому конкретно не обращалась, но каждый находящийся в зале подумал, что она имела в виду именно его. После секундного онемения зал мгновенно ожил. И даже те джентльмены, которые с трудом стояли на ногах, вскочили и наперебой начали приглашать девушку к себе за стол.

Один завсегдадай, достигший того опасного возраста, когда все девушки кажутся красавицами, а бегать с годами за ними все труднее, поэтому приходится волочиться, встав на одно колено, умолял не проходить мимо его столика.

Молодую красотку подстерегало множество опасностей, но только некоторые из них могли доставить ей удовольствие. Она обвела присутствующих внимательным взглядом и обратилась к мужчине в дорогом, не соответствующем данному месту, костюме:

– У вас сигаретка найдется?

– БТ курите? – остолбенел от внезапно привалившего счастья мужчина и с превосходством посмотрел на окружающих.

Слабый пол... А столько сил и внимания забирает.

– Женат? – спросила дама, прикуривая дефицитную сигарету.

Пытаясь выкрутиться, везунчик придумывал ответ на ходу. Несмотря на то, что был женат, очень хотелось понравиться девушке.

– Три дня...

– Что три дня? – не поняла блондинка.

– Три дня в неделю... понедельник... среда... и... пятница... – делал он паузу после каждого слова, – я абсолютно холост!

Счастье улыбнулось и попросило заказать пиво.

Рефери Кайрат к пиву не прикасался, обеспечивая соблюдение правил, так сказать, чистоту эксперимента. Будучи в ясном уме и твердой памяти, он не допустил хаоса при проведении соревнований и вернул участников к барьеру. Одно обстоятельство, что среди них один трезвый, не давало покоя ни участникам, ни болельщикам, которые с настойчивым упорством и постоянством задавали ему один и тот же вопрос: «А чё ты не пьешь?!»

Кайрат не пил не только в этот день, но и в последующие годы, проявляя особую устойчивость к спиртному при присвоении очередного звания. Спустя много лет после этого чемпионата Кайрат признался, что, насмотревшись на это зрелище, дал себе слово никогда, ни при каких обстоятельствах не пить пива, вина, водки, не пить вообще. И сдержал это слово.

Решке на девятнадцатой кружке встал, демонстративно ослабил ремень на брюках.

– Ну что, Хаджимукан... разминка окончена. Начинаем основную часть соревнований.

Хотел пошутить. Но, оказалось, психологически сломал соперника. Хаджимукан не смог допить девятнадцатую кружку, а его соперник попросил двадцатую. И стал победителем чемпионата курса по пиву, о чем свидетельствует табличка на стене «деканата» с надписью «Победитель первого чемпионата по пиву – Александр». И хорошо, что предусмотрительно не стали писать фамилию победителя, – через несколько лет он уже работал заместителем начальника РОВД по оперативной работе.

...Юристы выпуска образца 1985 года при встречах за пивом и не только вспоминают об этом чемпионате до сих пор. А пивбар, где состоялся легендарный чемпионат, со временем официально переименовали в «Деканат». И тем самым тайный поход студентов на конспиративную явку превратился в рядовое событие. Здесь было жестоко убито много времени и посажена ни одна печень.

Спустя тридцать лет те же выпускники юрфака, но уже седые, с огоньком в глазах рассказывают далеко не в первый раз про это пивное пари, мысленно возвращаясь в беззаботную студенческую пору, когда они были молоды и счастливы.

Государственная комиссия поставила точку на студенческой жизни.

История четвертая

В число болельщиков на том самом пивном чемпионате входил и Булат. У него был необычный тип восточного лица и массивная челюсть, к тому же к пятому курсу волосы начали седеть. Но не это было его отличительной особенностью. И даже не его патологическая склонность опаздывать на любые встречи и мероприятия. Опоздав на собственную свадьбу на 6 часов, Булат «поднял» настроение родственникам невесты из Южного Казахстана. Причина – жених не хотел на свою свадьбу ехать в плацкартном вагоне. Хотел ехать в купе, но такой поезд шел на 12 часов позже. Желание ехать с удобствами пересилило желание быть вовремя на собственной свадьбе.

После возвращения из свадебного путешествия Булат сделал вывод: невеста и жена – две большие разницы, хотя и зовутся одним именем. Вспоминая бракосочетание, торжественные слова «быть вместе в горести и радости», он решил, что ему не нужны эти горести, и жил только в радости.

Занимая в военной прокуратуре большую ответственную должность, Булат опоздал на коллегию Генеральной прокуратуры, где должен был выступать с годовым отчетом. Причиной опоздания послужили две ворсинки от полотенца на погонах кителя.

Коллегия Генеральной прокуратуры впервые проходила в новой столице. При передислокации руководство в основном заботилось о служебных помещениях и кабинетах, бытовые же условия первых переселенцев стояли далеко не на первом месте и не отвечали порой элементарным требованиям.

Увидев на плече две ворсинки, Булат посмотрел на часы: еще 30 минут до начала. Решил привести себя в порядок, зашел в душ за водой. Немного приоткрыл кран, воды не было. Он с силой крутанул вентиль, и вода хлынула, но не из крана, а через душ на голову и плечо. В результате ворсинки смыло, но волосы и левый рукав промокли. «Ничего страшного», – подумал Булат.

Включил утюг, снял китель и начал высушивать его на гладильной доске. Оставив утюг на кителе, пошел за феном. А когда вернулся, из-под утюга шел небольшой дымок... Булат много знал слов, выражающих возмущение и несогласие со сложившейся ситуацией, но словарного запаса в этот раз не хватило, к тому же кричать было не на кого, дома он был один.

Коллегия заканчивалась, когда Булат вошел в зал. Узнать его было невозможно. Одет он был, как всегда, безупречно, но гримаса пережитого бытового коллапса изменила его лицо до неузнаваемости, а волосы стали седыми.

Если у главного героя повести Н. В. Гоголя «Вий» волосы побелели за три ночи, то у Булата – за три часа. С тех пор он стал закрашивать седину, пытаясь таким образом стереть из памяти пережитое.

Генеральный прокурор Ю. А. Хитрин, увидев на лице Булата мучительные страдания и боль, «извинился» перед Булатом, что коллегии начали без него, и попросил зайти к нему после заседания. А сам подумал: «Несмотря на то что голова седа, сам еще дитя...»

Но исключительной чертой Булата было острое чувство «живого» юмора. Он был душой компании, в любой ситуации находил в своей памяти подходящие шутки, которые необходимы именно в эту минуту. Поэтому он всегда и всех перебивал, вставляя свой афоризм, байку или анекдот. Не всегда новые, но вовремя сказанные, они неизменно вызывали смех. И даже одно слово рождало живой ситуационный юмор. Таких мини-юморин было множество. Вот одна из них.

Как-то ранней весной однокурсник Канат пригласил нас на поминальный обед. По восточным традициям спиртного там не было. Но обязательно со стола каждому пришедшему давали саркыт – гостинцы. Однокурсники, высказав соболезнование Канату, выехали из Узынагаша домой в Алма-Ату. По дороге остановились на обочине пообщаться. Холодный ветер не располагал к разговору. Дрожа от холода, Булат сказал, что у него в машине есть бутылка самогона. Самогон приготовлен из медовухи.

– Первач 60 градусов, – хвалил он, доставая напиток.

В любом другом случае вряд ли кто стал пить самогон. Но здесь все дружно согласились. По одной, затем повторили. Володя Фурман сказал:

– Точно 60 градусов, чувствуется, как тепло пошло по всем конечностям.

Райхан, жена Бахыта (одна из тех счастливых пар, которые поженились во время учебы в университете на юридическом факультете), удивленно сказала:

– А я не чувствую тепла.

Булат тут же среагировал:

– У тебя нет такой конечности.

Но сегодня, после распределения, шутник был задумчивым.

– Я не грустный, – отвечал он любопытным, – я трезвый.

Иногда он замолкал, уставившись в одну точку, не выходя из-за стола, и никого не слушал. Но спустя несколько минут оживал.

– Друзья, послушайте! Пока не забыл. Подождите, подождите...

Поднял руку в раздумье, как бы завершая формирование фразы в уме.

– Сейчас... сейчас... а... вот!

Пригласи друзей на пиво!

Проведёшь весь день красиво!

Рифма всем понравилась, зааплодировали. Подняли кружки.

– За Булата!!!

Булату тоже понравилось, но не рифма, а аплодисменты однокурсников, и он опять «ушел» в себя. Через несколько минут все услышали:

– Друзья, послушайте! Пока не забыл.

Пусть лучше растет от пива живот,

Чем горб – от учебных забот.

Стихи получились менее удачными. Но за пять лет учеба всем изрядно надоела, и опять бурные аплодисменты заглушили все разговоры в баре.

Опять поднялись кружки и звонко ударились друг о друга. Официант подозрительно посмотрел на студентов – как бы посуду не разбили.

– За Булата!!!

СТАЖЕР АДВОКАТА

Получив на руки распределение, Ерлик добрался до города Шевченко (ныне Актау), где без труда нашел областную коллегия адвокатов. Дождался своей очереди к председателю, который сурово посмотрел на выпускника образца 85-го года и остался недовольным: одет слишком модно для областного города. Желтого цвета костюм и пестрая рубашка. И что особенно бросалось в глаза – светлые туфли с зауженным носком и белый ремень.

«Прислали по распределению блатного, с мохнатой рукой», – подумал председатель. Такой долго не продержится, не захочет работать на периферии. Мысленно председатель дал оценку выпускнику: «Стиляга». А вслух сказал, что рад видеть новое поколение юристов, спросил о старых преподавателях – профессоре Сартаеве, академике Зиманове и других. Председатель сам заканчивал этот же юридический факультет, но много лет назад. С теплотой расспросил о профессоре (фамилию он уже забыл), который вел историю КПСС и любил пугать студентов «железобетонной двойкой», после которой могут отчислить из университета. Историю Коммунистической партии в те времена нужно было знать не хуже, чем Гражданский кодекс.

Делая пометку в журнале, председатель забрал распределительный лист, посмотрел диплом.

– Завтра поедете в Новый Узень, там освободилось место адвоката. Первое время поработаете стажером, затем коллегия адвокатов области будет рассматривать вопрос о приеме вас в адвокатуру.

А в конце беседы сухо добавил:

– Удачи.

Ерлик хотел спросить, кто его доведет в районный центр, и где он будет жить, но передумал.

Попрощался и без особой радости вышел. Он хотел, чтобы председатель посмотрел не только диплом, но и так называемый вкладыш, где у Ерлика были в основном пятерки, хотя диплом с отличием он не получил. Необходимо было пересдать всего один предмет. Но он не стал этого делать, как делали некоторые сокурсники. А теперь пожалел, надо было пересдать, и сейчас бы председатель областной коллегии адвокатов обратил на это внимание и, возможно, был бы более милостив к новичку.

Но Ерлик скоро забыл про свою лень и неоткорректированный диплом. Мы быстро прощаем себя за ошибки. Заталкиваем неприятные воспоминания в самые отдаленные уголки памяти и пытаемся там «похоронить». У каждого человека в голове имеется «кладбище ошибок», которое не хочется посещать.

Ерлик легко переключился на завтрашний день и ускорил шаг. Завтра начинается новый отсчет времени. Он будет защищать людей в суде. Звучит весьма амбициозно.

В советское время считалось, что права и свободы граждан никто не мог нарушить. Но преступность существовала. Соответственно, были подозреваемые, обвиняемые, которых надо было защищать.

Два часа пути до Нового Узеня превратились в серьезное испытание на «трясоустойчивость». Некогда асфальтированная дорога пестрела ямами и выбоинами. Водитель то разгонял старенький автобус, то неожиданно тормозил, медленно объезжая очередную яму. Вскоре ему это надоело, и он на скорости помчался по ухабам. Пассажиры непроизвольно подпрыгивали, хватались за поручни и начинали тихо ненавидеть водителя, дорогу, жару.

Водитель Асылбек, работающий на этом маршруте больше двадцати лет, догадывался, о чем думают пассажиры, многих из которых знал в лицо, а некоторых и по именам. А вот молодого человека, резко отличающегося от других внешним видом, он видел впервые и не мог определить, едет ли он в гости или по работе. Желтый модный костюм подсказывал, что парень едет на праздник. Однако на той едут обычно семьями, а этот один и без подарков.

Асылбек, чувствуя, что атмосфера в салоне накаляется в прямом и переносном смысле, объявил, что скоро будет остановка «Тихая». Название он придумал сам много лет назад.

У обочины росло три карагача. Одно из деревьев, как новогодняя елка, было украшено разноцветными лоскутками материи. Видно, что привязали их в разное время: одни были новые, другие слегка выцветшие, а были и такие, что напоминали старую белесую парусину. Обычно при остановке женщины спешили привязать на ветку свой лоскуток. Для чего? Чтобы загадать желание. Если под деревом отдыхал бедный путник, то, привязав лоскуток, ему оставляли немного денег, чтобы тот прочитал молитву.

Такие «святые деревья», исполняющие желания, можно встретить в разных местах не щедрой на растительность казахской степи. Трудно сказать, как возникла эта языческая традиция у казахов, но к этому конкретному карагачу сам Асылбек имел непосредственное отношение. Много лет назад возвращался он по этой дороге один и увидел старушку, присевшую отдохнуть у дерева. Решил остановиться, спросить, не надо ли помочь. Предложил воды и подвез до города. По дороге бабушка рассказала ему о своей жизни и поведала притчу, связанную со святостью этого места, где люди получают помощь аруахов.

Через несколько дней, во время очередного рейса, он опять остановился у трех карагачей отдохнуть и увидел привязанный к одному из них лоскуток. Про себя Асылбек назвал дерево святым и привязал к его ветке на глазах у пассажиров лоскуток, загадав желание. А вскоре его небольшое желание сбылось.

Легенда о «волшебном» дереве быстро распространилась: Асылбек каждый раз, останавливаясь на этом месте, рассказывал пассажирам, что это святое дерево, исполняющее желания. Не прошло и года, как вся Мангистауская область знала, что между Шевченко и Новым Узенем растет святое дерево – киелі агаш.

Сегодня, как только автобус остановился, две женщины направились к дереву, пестревшему множеством лоскутков, привязали свои, помолились. Вышел молодой парень в желтом костюме, посмотрел на дерево, хмыкнул, произнес непонятное слово «фетишизм» и опять сел в автобус.

Асылбеку хотелось рассказать незнакомцу о местной достопримечательности – святом дереве, но парень закрыл глаза и явно не был расположен к разговору.

Ни Асылбек, ни его пассажиры не могли догадаться, о чем думал в эти минуты молодой человек.

Если пассажиры тихо ненавидели водителя, дорогу и жару, то Ерлик в эти минуты ненавидел вся и всех, а особенно себя за то, что согласился работать в адвокатуре Мангистауской области, находившейся за тысячи километров от его родных мест. А еще больше его злило собственное малодушие, то, что он не проявил настойчивость, не вернулся на заседание Государственной комиссии и не попросил перераспределить его в прокуратуру. Сейчас, в эту летнюю жару, в тени было больше сорока градусов по Цельсию, а он все дальше и дальше уезжал от областного центра в какой-то маленький городок, о котором он и не знал до вчерашнего дня. И это было не в первый раз, когда судьба проверяла его на устойчивость к трудностям, формируя его характер.

Он вспомнил, как служил в Вооруженных Силах СССР в городе-герое Ленинграде, как учился отстаивать свою точку зрения, как пытался бороться с дедовщиной, но вскоре понял, что армия – место, где каждый новобранец через год становится «дедушкой». И изменить это невозможно.

Он получал штрафные наряды вне очереди не за нарушения, а потому, что у командира был скверный характер. Вспомнил солдатскую традицию после отбоя безумно кричать в казарме на всю роту:

– День прошел!

И ответ всей роты со злобой, ненавистью, раздражением:

– И черт с ним!!!

Ерлик подумал, что сегодня у него именно такой день, который хочется послать ко всем чертям. Хотел закричать, но сдержался. Не падай духом – ушибешься.

До этого ему казалось, что два самых трудных этапа в жизни уже позади. Первый – это два года службы во внутренних (конвойных) войсках МВД СССР. Второй – пять лет в университете, где он «грыз» гранит науки.

Но с течением времени постепенно плохие воспоминания о службе в армии и учебе в университете забывались, а хорошие, наоборот, проступали ярче. Теперь казалось, что студенческие годы – лучшие в жизни, они определили будущую профессию и друзей, ставших ближе и дороже многих родственников.

На остановке «Тихая» к Ерлику подсел парень.

– Саркытбек! Курсант Алма-Атинской средней специальной школы милиции.

– Ерлик!

На этом диалог закончился. Ерлик ни с кем не хотел разговаривать. Но дорога располагает к беседам, и уже минут через тридцать молодые люди делились новостями и проблемами, как давние друзья. Ерлик поведал о своем распределении, а Саркытбек рассказал целую историю о своей маме, да не об одной – о двух.

История пятая

– Всему, чего достиг в этой жизни, я обязан своим матерям – Турдыкан, которая родила, и Жакие, которая воспитала.

Когда я родился, моя мама умерла при родах, ей было всего 35 лет, и я был у неё восьмым ребенком. Поэтому своей жизнью я также обязан всему медперсоналу родильного дома Жарминского района Семипалатинской области, который

почти в течение года всеми правдами и неправдами содержал меня в роддоме, и, конечно, всем тем женщинам-роженицам, которые кормили меня своим молоком – русским, украинским, казахским матерям.

Отец остался с восемью детьми на руках. Сельский совет требовал сдать детей в детский дом. Чтобы сохранить за собой детей, отец в срочном порядке решил жениться. Но когда женщины узнавали о том, что у отца дома семеро детей и одного еще надо будет забрать из роддома, никто из них не соглашался. Когда мы подросли, он так и говорил, что не искал себе жену, а искал маму для нас.

Узнав, что в соседнем районе живет одинокая вдова фронтовика, погибшего на войне, отец решил еще раз попытаться счастья. Свататься вместе с отцом поехали его друг Омаргазы-ага и его сосед Айтказы-ага. Путь предстоял не близкий – за 280 километров в село Орловка Зырянского района Восточно-Казахстанской области. Выделяя автомашину, председатель колхоза наказал, чтобы они без жены для моего отца не возвращались.

Обещание они выполнили, отцу удалось понравиться вдове и уговорить ее выйти за него замуж, правда, всем участникам сватовства пришлось немного соврать. Врать они не умели, но убедили друг друга, что это святая ложь во спасение.

О себе отец рассказал, что работает кузнецом в колхозе, имеет хороший дом и воспитывает двух сыновей и дочку, жена недавно умерла, остался вдовцом и вот хочет жениться именно на ней. Друзья при этом с утра до вечера нахваливали жениха. Конечно, все это очень сильно подействовало на одинокую женщину, и вскоре она дала согласие выйти замуж и уехать в незнакомый ей аул Семипалатинской области...

Автомашина остановилась возле маленькой старенькой мазанки². Во дворе играли несколько детей. «Соседские...» – подумала Мама.

– Хорошо, что твои дети дружат с другими детьми из аула.

Папа промолчал...

Увидев машину и незнакомую женщину, вышедшую из нее, все дети побежали к ним. Папа представил новой жене Капаса и Азамата, сказал, что это старшие сыновья.

Мама обратила внимание, что в детской ватаге около двадцати детей, а несколько детей очень похожи друг на друга, но не придала этому значения.

Для аула такое событие было нерядовым. Подошли соседи и родственники отца, начали знакомиться. Поднялись радостные возгласы, поздравления и свадебные шутки, уговоры стать келинкой всему аулу.

В это время подол Мама потянула девочка лет пяти-шести и со слезами на глазах сказала: «Тате, тате, будьте нашей мамой, а то никто не хочет быть нашей мамой». Просьба этой девочки напомнила ей ее собственное детство, она сама росла без родителей. Это сильно растрогало Маму. Подняв девочку на руки, она заплакала. Этой девочкой была моя сестра Майра.

Вечерело, сельчане вскоре разошлись – кто за домашним скотом присмотреть, коров подоить, кто огород поливать, кто домой. Отца не покидала тревога. Пора невесте и дом показать. Хвалиться было особенно нечем.

Мама осматривала старенькую мазанку: в комнате печь, давно не топленная, в центре большой стол. «Зачем такой большой стол? Наверное, гости часто при-

² Мазанка – небольшое строение, хата из глины или обмазанного глиной сырцового кирпича, дера, камыша и т.п.

ходят», – размышляла она. Ходить в гости – хорошая казахская традиция. Гости из отдаленных аулов часто оставались ночевать, так как возвращаться домой ночью через степь рискованно.

В этой же комнате вдоль стен стояло несколько кроватей. В соседней спальне тоже были кровати. Мама опять нечего не заподозрила: «Наверное, много родственников».

Сели за большой стол ужинать. Мама, папа, двое братьев и сестренка. Отец совсем разнервничался, встанет, пройдет по комнате, сядет. Что-то хочет сказать, но не решается.

Мама обратила внимание на какие-то шорохи. Заглянула под стол... и чуть не упала с лавки.

– Выходите, вы чьи? Почему домой не идете, родители вас заждались, – громко сказала Мама.

Там сидели и помалкивали двое детей.

– Почему молчите?! – строгий голос Мама звучал резко.

Теперь уже вылезшие братья стояли, виновато опустив головы, и молчали. В этом время из спальни слышались детские всхлипывания и плач.

– А там кто? Что вы там делаете? – задавала она вопрос за вопросом. – Вы что, в прятки играете? Всем пора идти домой! Где вы живёте? Вас, наверное, уже родители ищут!

Из-под кровати выползли еще двое заплаканных малышей.

Двое хныкали, двое стояли, опустив головы. Все молчали и не уходили. Отец сидел за столом молча, не зная, куда деть глаза, собираясь что-то сказать в свое оправдание.

Мама переводила взгляд сначала с детей на отца, а затем обратно. Постепенно она осознавала, чьи это дети... На ее лице появлялась растерянность. Не верилось... Хотелось встать и уйти, но ноги не слушались. Мало-помалу внутреннее возмущение переходило в материнскую тревогу за будущее этих детей.

Все молчали...

Ситуацию спасла моя сестра. Она повторила:

– Добрая тетя, будьте нашей мамой.

В душе просыпалась материнская любовь, и сердце женщины наполнялось лаской и желанием заботиться об этих детях. Она молча посмотрела с упреком на отца. Святая ложь...

На лице отца был написан испуг. Он очень боялся, что Мама сейчас встанет и уйдет.

Мама осталась, обняла детей и начала знакомиться: Капас – 14 лет, Азамат – 12 лет, Азат – 10 лет, Жанабай – 6 лет, сестра Майра – 6 лет, Мырзасадык – 4 года и Даулет – 2 года.

Чтобы разрядить обстановку, подобревшим голосом Мама в шутку спросила:

– Это все?

Отец до этого не проронил ни слова.

– Нет...

– Что нет? – переспросила Мама.

– То есть да!

– Что да?! – опять переспросила она. – Показывайте, кого еще в сундуке спрятали!

Наш папа извиняющимся голосом пояснил, что в сундуке у него нет никого. Но из роддома надо забрать еще одного мальчика, который там находится по доброте врачей уже одиннадцать месяцев, после смерти жены, умершей при родах.

Назавтра поехали в районный центр, где в роддоме в окружении медсестер и врачей Мама впервые увидела меня. Конечно, я этого не помню, все это мне рассказывала моя Мама.

Саркытбек помолчал, глядя на дорогу. Всех в автобусе тряхнуло на очередной кочке.

– Наша вторая Мама была хрупкая, невысокого роста, милостивая женщина, при этом она была сильной духом. Скромная во всех отношениях, никогда ни с кем не ругалась, со всеми была вежлива и обходительна. О себе никогда и никому не рассказывала.

Сегодня в моей душе хранится только благодарность за все, что она для меня сделала, чему научила и от чего уберегла. Не имею представления, какой была бы моя жизнь, если бы не моя Мама, если бы не ее вера в меня и не ее яркий огонь в сердце и глазах, который согревал и освещал мой жизненный путь.

Низкий им поклон, всем живым матерям – здоровья и всем ушедшим матерям – вечная память, – закончил свой рассказ Саркытбек. – Когда встану на ноги, напишу о нашей Маме книгу, какой она была для всех нас.

Автобус остановился. Уже все пассажиры вышли, только Ерлик и Саркытбек сидели на местах, вспоминали своих матерей.

Спустя много лет, будучи доктором юридических наук, профессором, Саркытбек написал повесть о своей Маме. И повесть начиналась со слов: «Склоняя голову и падая перед Мамой на колени, хочется закричать на весь белый свет: “Спасибо Вам огромное, моя милая и дорогая Мама, – за отца, за моих братьев, за сестру и за все то, что Вы сделали для нас, спасая наши жизни и помогая в то трудное время”».

На следующий день стажер вышел на работу. Костюм, брюки и туфли были те же. Не потому, что они ему нравились, а потому, что других не было в гардеробе выпускника.

К молодым и неопытным адвокатам подозреваемые не обращались за помощью, а к стажеру тем более. Поэтому стажерам и молодым адвокатам давали вести дела «бюджетников». Государство выделяло скромные бюджетные средства на оплату работы адвокатов, которые защищали граждан, не имеющих возможности оплатить услуги защитника самостоятельно. Именно такое дело, связанное с хулиганством, поручили вести Ерлику.

Семейный дебошир Берик был арестован за избиение собственной жены. Возбудили дело о злостном хулиганстве. Материалы направили в суд. Прокурор настаивал на трех годах лишения свободы. Избитая жена на судебном слушании сказала, что любит мужа и давно простила его.

Судья Мария Чернова, рассматривавшая это дело, спросила, что предлагает адвокат.

Ерлик, ссылаясь на постановление Верховного суда, сказал, что дела о семейных дебоширах рассматриваются в административном порядке, так как избиение происходило в квартире, не в общественном месте. И в связи с этим попросил

переквалифицировать содеянное как административное правонарушение, а уголовное дело прекратить.

Берика отпустили на свободу в зале суда. Семейная пара пошла в обнимку домой, восстанавливать семейное счастье.

Через день следователи прокуратуры возбудили другое уголовное дело – о хищении. Это было второе и оно же последнее дело стажера адвоката.

В Новый Узень пришла большая партия новых цветных телевизоров из Прибалтики. Заведующий складом принял товар, но все телевизоры оказались бракованными. Прокуратура возбудила уголовное дело. Арестовали заведующего складом.

В суде государственный обвинитель попросил для подозреваемого 12 лет лишения свободы. Судья, опять же Чернова, спросила мнение адвоката.

Ссылаясь на приказ министра торговли СССР, копия которого имелась в местной библиотеке, стажер адвоката пояснил, что заведующий складом отвечает за сохранность товара, а не за его качество. А так как товар на месте и упаковка не нарушена, то состава преступления нет. Заведующего складом освободили в зале суда. Всю партию телевизоров в последующем вернули товаропроизводителю.

Незнание закона не освобождает от уголовной ответственности. А знание – может освободить.

В течение первого месяца работы стажер адвоката по двум уголовным делам добился оправдательных приговоров. Беспрецедентный случай в области, когда суд не поддержал прокуратуру. Какой-то начинающий стажер «развалил» два уголовных дела.

Прокурор области назначил экстренное совещание с сотрудниками прокуратуры города Новый Узень, на которое пригласил стажера адвоката. Недовольный прокурор города рано утром забрал Ерлика с собой в областной центр, не пояснив для чего. Ехали той же дорогой, только в обратном направлении. Хотя служебная легковая машина была более комфортной, чем рейсовый автобус, но тяжесть предстоящего разговора давила. Прокурор области просто так не вызывает, и Ерлик всю дорогу анализировал, где мог проколоться.

Но по итогам совещания прокурору города объявили строгий выговор, а стажера пригласили работать следователем сразу в областную прокуратуру.

Впрочем, как говорит Леонид Каневский, автор цикла документальных фильмов о самых «громких» преступлениях, «это уже совсем другая история...»

Заканчивая это небольшое воспоминание о студенческих годах, хотелось бы сказать, что каждый, кто учился на нашем курсе, заслуживает отдельного рассказа. Но, к сожалению, в рамках данного повествования у нас нет такой возможности.

Позволим себе лишь назвать еще несколько имен тех, чьими достижениями гордится весь курс.

Руслан в 27 лет занял должность заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

В 32 года **Константин** назначен министром юстиции Республики Казахстан. Оба серьезно занимались вопросами совершенствования законодательства обоих государств. Имя Константина часто упоминают политики высокого уровня как одного из разработчиков действующей Конституции Республики Казахстан.

Многие выпускники пошли работать в органы прокуратуры по примеру **Германа**, который за два года до окончания вуза уже стажировался в военной прокуратуре и единственный был распределен в военную прокуратуру Среднеазиатского военного округа. Прошел много «горячих» точек, работал прокурором пяти субъектов Российской Федерации, дослужился до звания генерал-лейтенанта.

Улугбек – по распределению был закреплен на кафедре трудового права КазГУ им. С. М. Кирова, работал освобожденным секретарем комитета комсомола университета, служил в органах прокуратуры, в настоящее время государственный советник юстиции третьего класса.

Жакып – Генеральный прокурор Республики Казахстан, в настоящее время Председатель Верховного суда.

Что касается нашего героя, то Указом Президента Республики Казахстан «О присвоении высших воинских и специальных званий, классов чин и квалификационного класса» № 677 от 3 мая 2018 года **Кененбаеву Ерлику Абдракымовичу** присвоен классный чин «государственный советник юстиции второго класса». Он заместитель Генерального прокурора республики – курирует следствие.

На нашем курсе училось много уникальных личностей, которые внесли ощутимый вклад в борьбу с преступностью, в развитие юридической науки, отечественного и зарубежного законодательства и практики его реализации. И надеюсь, в будущем появится еще немало хороших сюжетов для книг об этих выдающихся людях нашей эпохи.

Турецкий Николай Николаевич родился в ноябре 1958 года в Талгарском районе Алма-Атинской области. В 1983 году окончил юридический факультет КазГУ им. С. М. Кирова. Без малого двадцать лет служил в органах внутренних дел республики. Затем – исполнительный директор Казахской криминологической ассоциации, редактор журнала «Предупреждение преступности», директор научно-исследовательского института государства и права имени Г. Сапаргалиева, инспектор отдела по вопросам правоохранительной системы Администрации Президента РК; проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан по научной работе. С 2017 года – заведующий отделом по взаимодействию с Комитетом по конституционному законодательству, судебной системе и правоохранительным органам Аппарата Сената Парламента Республики Казахстан. Депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан IV созыва (2007–2011), избирался членом комиссии по вопросам гражданства при Президенте Республики Казахстан, заместителем председателя Правового совета при партии «Нұр Отан», секретарем Казахстанского союза юристов.

Область научных исследований: парламентское, конституционное право, криминология и уголовное право, оперативно-розыскная деятельность. Автор восьми монографий и более 300 научных и учебно-методических работ, комментариев, пособий.

